

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028330-9

Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей

© 2023 г. Р. И. Воронцов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
roman.vorontsov.86@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается система фундаментальных категорий толковой лексикографии, среди которых центральное место занимает категория нормативности. С опорой на классические работы по теории лексикографии и с учетом достижений современного языкознания выявляется сущностная специфика нормативного толкового словаря. Категория нормативности анализируется с точки зрения системно-лингвистического, функционального, социального и исторического аспектов, рассматривается в связи с проблемой системного отражения в толковом словаре нормы литературного языка. На основе предложенного понимания нормативности выстраивается система антиномий толковой лексикографии и описываются типы фундаментальных толковых словарей русского языка, которые могут быть реализованы в современных технологических условиях.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00407, <https://rscf.ru/project/23-28-00407/>

Ключевые слова: лексикография, типология словарей, толковый словарь, нормативность, историзм, литературный язык, языковая норма.

Для цитирования: Воронцов Р.И. Нормативность в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии: к проблеме типологии словарей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 87–108. DOI: 10.31857/S160578800028330-9

Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology

© 2023 Roman I. Vorontsov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
roman.vorontsov.86@gmail.com

Abstract. The article deals with a system of fundamental categories of explanatory lexicography, the key one being the category of normativity. Based on the classical works in theoretical lexicography and with respect to the current achievements of linguistics, the author uncovers the ontological specifics of a normative explanatory dictionary. The category of normativity is analyzed in terms of structural, functional, social, and historical aspects; the analysis also accounts for the problem of consistent interpretation of the literary language norm in an explanatory dictionary. The proposed understanding of the category of normativity helps to create a system of antinomies typical of explanatory lexicography and to present the types of fundamental explanatory dictionaries of the Russian language that are to be implemented under current technological conditions.

Acknowledgements. The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407/>

Key words: lexicography, dictionary typology, explanatory dictionary, normativity, historicism, literary language, language norm.

For citation: Vorontsov, R.I. *Normativnost v sisteme fundamentalnyh kategorij tolkovoj leksikografii: k probleme tipologii slovarej* [Normativity Within the System of Fundamental Categories of Explanatory Lexicography: To the Problem of Dictionary Typology]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 87–108. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028330-9

1. Постановка проблемы

Российская толковая лексикография сегодня находится на переходном этапе своего развития: от традиционных бумажных словарей (в том числе многотомных) к электронной репрезентации лексикографических описаний. За более чем два столетия плодотворной словарной работы (начиная со “Словаря Академии Российской” (1789–1794) [1]) отечественными лексикографами приобретен колоссальный опыт, реализованы крупнейшие словарные проекты. Однако, вместе с тем, накоплено и немало ошибок, противоречий, неоптимальных решений и подходов. Развитие научной теории лексикографии, получившее импульс в середине XX в. в связи с началом разработки и издания серии академических толковых словарей русского языка, сопровождалось потоком критики (по большей части заслуженной и конструктивной) в адрес лексикографов (см. хотя бы [2]–[6]).

Заметим, что многие из критикуемых аспектов относятся к разряду “вечных” лексикографических вопросов: это и объект словарного описания (вопрос о литературном языке и его хронологических и социолингвистических границах), и эмпирическая база словаря (функционально-стилистические, тематические и прочие разновидности текстов-источников), и системность словарного описания, комплексно учитывающая лексико-грамматическую специфику словарного состава, и способы дискретного описания континуальной семантики слова, и учет различных типов вариантности, и мн. др. При этом центральной проблемой, требующей принципиального решения в условиях перехода к новой — цифровой — методологии создания толковых словарей, безусловно, является проблема их *типологии*. Разработка новой типологии, которая бы учла достижения предшественников, но в то же время была бы избавлена от противоречий прошлого, станет важной теоретической предпосылкой будущей словарной работы.

Толковые словари академического типа, в наиболее полном виде описывающие общеупотребительную лексику русского литературного языка, составляют основу современного “лексикографического мейнстрима” [7, с. 130], который представлен тремя типами “нормативных общих словарей”, описанных С.И. Ожеговым более полувека назад: большой, “представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе”, средний, “с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка”, и краткий, “стремящийся к активной нормализации современной литературной речи” [8, с. 165–166] (первая публикация — 1952). Эта хрестоматийная трихотомия до настоящего времени остается единственной, но в современной лексикографической ситуации, характеризующейся стихийностью развития, она уже не вполне соответствует истинному положению дел. Так, сегодня наблюдается заметная динамика внутри типов среднего и краткого словаря, тогда как большой словарь, являющийся трудом грандиозного масштаба, остается довольно стабильным [9]. При этом (заметим в скобках) именно толковый словарь большого типа обладает наиболее противоречивой концепцией (см. [10]).

Типология Ожегова создавалась в начале 1950-х годов с учетом существовавших тогда лексикографических изданий: однотомного “Словаря русского языка” под ред. С.И. Ожегова (далее — СОЖ) [11] (краткий тип), “Толкового словаря русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова [12] (средний тип) и первых томов будущего 17-томного “Словаря современного русского литературного языка” (далее — БАС-1) [13] (большой тип) — и, таким образом, как бы подводила промежуточный итог выполняемой словарной работы. На тот момент еще не был издан 4-томный “Словарь русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой (далее — МАС) [14] и не проявились со всей отчетливостью противоречия концепции БАС-1. Выделенные Ожеговым типы толковых словарей не получили

(и не могли тогда получить) глубокого теоретического обоснования, так как лексикографы не обладали еще тем опытом, который приобрели позднее. Прогностическая (или “стимулирующая” [15]) функция трихотомии по объективным причинам не стала ее сильной стороной, и сегодня типология толковых словарей русского языка требует переосмысления.

Для того чтобы приблизиться к решению этой актуальной задачи, необходимо, прежде всего, выявить и с учетом достижений современного языкознания определить основные, фундаментальные категории толковой лексикографии в их взаимосвязи. В формулировках Ожегова представлены понятия *нормативного словаря*, *современного литературного языка*, *исторической перспективы*, *нормализации речи*. Эти, в сущности, расхожие термины требовали и требуют системного дополнения и уточнения.

Центральной категорией трихотомии является нормативность. Все русские толковые словари XX в., начиная со словаря под ред. Д.Н. Ушакова, декларируют нормативность как свой основополагающий принцип. Представляется, что не последнюю роль в таком настойчивом продвижении нормативности сыграл “травмирующий” опыт “шахматовской редакции” академического “Словаря русского языка” [16]. Встав во главе этого предприятия, А.А. Шахматов, понимавший нормативность как ограничение реального словоупотребления, полностью отверг нормативное начало словаря, предложив описывать в нем все без исключения слова как из письменных источников, так и из живого употребления. В результате словарь оказался незавершенным, фрагментарным и во многом непоследовательным.

В 1930-е годы принцип нормативности словарного описания был поставлен во главу угла. При этом никто из академиков, участвовавших в обсуждении главных словарных проектов страны, не мог точно определить эту категорию. Так, на собрании ОЛЯ АН СССР, где обсуждался проект будущего БАС-1, лейтмотивом звучит тезис о неясности этого термина: ср., например, высказывания А.С. Орлова: “Нормативность — это слово довольно-таки неопределенное” [17, с. 9] и Л.В. Щербы: “Самым важным вопросом является вопрос относительно нормативности <...>. И я должен сказать, что тут имеется очень много трудного и страшно сложного” [17, с. 51]. В это же время Щерба работает над своим знаменитым “Опытом общей теории лексикографии” [18, с. 265–304] (первая публикация — 1940), в котором ему удается глубже других проникнуть

в сущность проблемы. Дальнейшее развитие толковой лексикографии показало, что щербовская трактовка категории нормативности значительно опередила свое время, и сегодня она как никогда актуальна.

Активное развитие теоретической лексикографии, теории литературного языка, теории языковой нормы и смежных научных направлений во второй половине XX в. позволило углубить и систематизировать представления ученых о нормативности толкового словаря (см. [3]; [5]; [19]–[23]). В то же время, как будет показано далее, нельзя сказать, что был выработан единый подход к интерпретации этой категории.

Нормативность входит в число фундаментальных категорий толковой лексикографии, определяющих, по Г.Н. Скляревской, “дух словаря”: это категории, обуславливающие объект словарного описания, типологические признаки словаря, его место в системе словарей; и в этом смысле они противопоставлены эмпирическим параметрам, таким как адресат, состав словника, стилистические квалификации и т.д. [22, с. 16]. В данной работе мы предпринимаем попытку обобщить накопленный противоречивый опыт анализа нормативности толкового словаря и вписать эту категорию в систему прочих фундаментальных категорий толковой лексикографии. Оптимальным методом для решения поставленной задачи представляется построение словарной типологии, основанной на системе антиномий.

2. Природа нормативности толкового словаря

2.1. Нормативность в кругу смежных явлений

Расплывчатость термина “нормативность” приводила и приводит к сближению выражаемого им понятия с некоторыми смежными категориями. Поэтому, чтобы более отчетливо представить, чем в сущности является нормативность толкового словаря, необходимо сначала отграничить ее от того, чем она *не* является.

Так, во-первых, очень устойчиво представление о нормативном словаре как о “законодателе норм словоупотребления” [20, с. 33], который “предписывает” носителям языка, как употреблять языковые средства [24, с. 22]. Данный подход весьма распространен не только в теории лексикографии, но и, прежде всего, в самом обществе, которое формирует запрос на авторитетный источник информации о “правильном” словоупотреблении. Такое утилитарное понимание поддерживается и установками, которые задает лексикографам государство. В частности, в Постановлении

Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г. (о начале работы над БАС-1) к будущему словарю, помимо прочего, предъявляются такие требования: он должен быть “*нормативным*, должен <...> явиться практическим проводником *правильного понимания* социального значения словарного состава языка, *правильного употребления* форм и оборотов русского языка (курсив мой. — Р.В.)” [25, с. 80]. Схожие формулировки находим и в новом Федеральном законе 2023 г.: “под нормами современного русского литературного языка понимаются *правила использования* языковых средств, зафиксированные в *нормативных* словарях, справочниках и грамматиках (курсив мой. — Р.В.)” [26].

Нормативность в такой трактовке понимается очень узко и, по сути, подменяется прескриптивностью — принципом, согласно которому словарь является сводом *предписаний* о том, как люди *должны* пользоваться языком [27, с. 2]. Прескриптивные словари создавались в старой лексикографической традиции (“Словарь Французской Академии” (с 1694 г.) [28], “Словарь английского языка” С. Джонсона (1755) [29], отчасти “Словарь Академии Российской” (1789–1794) [1]), их задачей было сохранение “образцового” языка, очищение его от неправильностей и “порчи” — именно так воспринимались языковые изменения. Сегодня безусловный приоритет в мировой лексикографии отдается описательному, а не предписывающему началу, тем не менее, инерция “прескриптивного” понимания нормативности (ср., например, прямую характеристику академических толковых словарей русского языка как “словарей прескриптивного типа” в [30, с. 6]) до сих пор приводит к несправедливой критике нормативных словарей русского языка, упрекаемых в избыточном пуризме при формировании словника и стремлении исправлять и улучшать русский язык [31]. Симптоматично также и предложение отказаться от нормативности толкового словаря в пользу его дескриптивности (т.е. описательности), что предполагает кратное увеличение описываемых единиц, представляющих все стилистические пласты языка [6].

При внимательном рассмотрении, однако, выясняется, что такая критика исходит из терминологической неточности: нормативный словарь, ошибочно трактуемый как прескриптивный (предписывающий), противопоставляется критиками словарю дескриптивному (описательному, регистрирующему). Между тем, антиномия прескриптивности и дескриптивности характеризует словарь не с точки зрения состава и объема словника (нормативные языковые средства vs широкие

пласты языка), а с точки зрения *подхода* словаря к отражению *нормы* (предписание vs описание). Необходимым выводом из этого понятийного конфликта является то, что нормативность толкового словаря не противоречит его дескриптивности, о чем лучше всего сказано у Л.В. Щербы: “Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю” [18, с. 276]. Косвенным подтверждением этого тезиса является и эквивалент термина *нормативный*, использованный при переводе статьи Щербы на английский язык, а именно: standard-descriptive (букв.: “описывающий норму”) [32, с. 314].

Во-вторых, нормативность толкового словаря часто интерпретируется в связи с описанием норм *современного* языка. Е.Н. Толикина прямо говорит, что нормативный словарь “предполагает в качестве исследовательской позиции синхронный подход” [33, с. 16]. При этом под синхронностью понимается именно отнесенность к текущему моменту, к современности.

Известная лексикографическая дискуссия 1950-х годов, в ходе которой вырабатывались ключевые теоретические позиции отечественной толковой лексикографии, концентрировалась вокруг вопроса о соотношении в словаре принципов нормативности и историзма (подробно см. [10]). Обсуждение этого вопроса, обусловленного проявившимся к тому времени глубинным противоречием концепции БАС-1 (“*современный* литературный язык в широкой *исторической* перспективе”) и повлекшего за собой рассмотрение едва ли не всех возможных аспектов словарного описания (от семантической структуры слова и его функционально-стилистической квалификации до подачи орфографических и орфоэпических вариантов), привело к выработке следующей диспозиции: декларировался примат принципа нормативности, но регламентировалось включение в словарь в *справочных* целях “элементов историзма” [34, с. 6]. Эта более чем компромиссная конструкция совмещала (а вернее — смешивала) в себе два щербовских противоположения: 1) академический словарь (нормативный) — словарь-справочник и 2) неисторический словарь — исторический словарь. Разумеется, такое смешение не способствовало терминологической ясности.

Несмотря на заявленную факультативность “элементов историзма”, широкие хронологические границы словаря заставляли лексикографов искать пути системного отражения в БАС-1 исторической динамики языковой нормы. В.В. Виноградов подчеркивал: 17-томный словарь убедительно показал, что “в истории русского литературного языка от Пушкина до наших дней сменилось несколько лексико-семантических систем и соответствующих им литературно-языковых норм” [3, с. 25]. Тем самым предполагалось, что словарь, описывающий словарный состав русского языка XIX–XX вв. с *нормативных* позиций (сообразно каждому из исторических этапов развития нормы), принципиально возможен, и, более того, задача его создания является “историческим бременем” отечественной лексикографии [3, с. 10].

Так, противоречие нормативности и историзма, обсуждавшееся в связи с составлением БАС-1, на проверку оказалось противоречием диахронического и синхронного методов описания языка, тогда как нормативность сама по себе не исключает историзма в интерпретации материала.

Наконец, в-третьих, обсуждение нормативности толкового словаря иногда сводится к проблеме описания *формальных* вариантов слова (орфографических, орфоэпических, грамматических) с точки зрения действующей нормы литературного языка (см., напр., [20]). Так, при разработке концепции БАС-2 [35] в качестве одного из основных направлений работы было заявлено “усиление принципа нормативности в оценке языковых фактов”, для чего было предложено три приема: 1) устранение мнимо равноценных заголовочных пар; 2) уточнение нормативных характеристик форм слова в словарной статье; 3) включение продуктивных новообразований (акцентологических, морфологических, синтаксических) [36, с. 10–16]. Можно заметить, что нормативность в данном случае сближалась с современностью, и “усиление нормативности” предполагало на самом деле всего лишь приближение словарного описания *вариантов* к действующей норме.

Однако гораздо важнее указать здесь на то, что хотя нормативное описание словарного состава, безусловно, подразумевает оценку вариантов языковых форм, категория нормативности все же должна трактоваться более широко. Ю.С. Сорокин утверждал, что истинно нормативный словарь на самом деле должен быть *нормативно-стилистическим*. В задачи такого словаря входит не только показ действующих норм словоупотребления, вместе с тем он должен быть “словарем, показывающим многообразие

лексической системы, должен определить разную степень употребительности отдельных фактов, их приуроченность к определенным речевым модусам отдельных социальных групп, их связь с определенными особыми функциями литературной речи, с отдельными ее разновидностями, стилями” [19, с. 26]. Иными словами, нормативность толкового словаря предполагает системное отражение в нем всего словарного состава литературного языка с учетом его функционально-стилистического расслоения, тогда как подача вариантов слова является лишь одним из частных аспектов нормативно-стилистического словарного описания.

Таким образом, нормативность толкового словаря имеет непосредственное отношение, но ни в коем случае не сводится полностью ни к предписывающему типу отражения нормы, ни к описанию современного состояния литературного языка, ни к оценке вариантов слова. Напротив, нормативность занимает центральное положение в системе фундаментальных категорий толковой лексикографии и проявляется во всех аспектах словарной работы. В чем же, наконец, состоит природа нормативности толкового словаря?

2.2. Базовые атрибуты категории нормативности

Первое научное осмысление категории нормативности в отечественной лексикографии предложено Л.В. Щербой. Противопоставляя нормативный (“академический”) словарь словарю-справочнику, Щерба пишет: “В основе словарей первого рода лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени; в основе словарей второго рода вовсе не лежит какого-либо единого языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы” [18, с. 266]. Главным критерием нормативности “академического” словаря, характеризующегося “лингвистическим единством словника” [18, с. 268], является описание некоего единого сложного многомерного объекта, обозначенного в работе Щербы термином “система”. Анализируя взгляды Щербы, Ю.С. Сорокин останавливается на том, что определяет сложность лексической системы языка для словарного описания: это и структурные связи ее элементов, и функциональная роль отдельных единиц, и социальные, территориальные и возрастные особенности словоупотребления, и отнесенность слов к активному или пассивному словарному запасу [19, с. 26].

Такое комплексное понимание феномена языковой системы отличает учение Щербы от структуралистского представления, восходящего к взглядам Ф. де Соссюра, согласно которому система языка есть нечто виртуальное, абстрактное по отношению к речи, в которой она объективируется. По Щербе, языковая система является одним из трех аспектов речевой организации индивида наряду с *речевой деятельностью* (“процессы говорения и понимания”) и *языковым материалом* (“совокупность всего говоримого и понимаемого”) [18, с. 24–26]. При этом если Соссюр рассматривает язык и речь как относительно независимые друг от друга сферы, то для Щербы три аспекта языковых явлений — это “абстрактные моменты живой целостности, невозможные один без другого и в сумме составляющие противоречивое единство” [37, с. 102].

Получается, что языковая *система*, составляющая, по Щербе, объект описания в нормативном словаре, — это не отвлеченная модель, не “надындивидуальная сущность”, а некое *функционирующее* в реальном словоупотреблении человеческого коллектива взаимосвязанное единство словарного состава языка. Явленная в совокупности индивидуальных речевых систем носителей, “единая и общеобязательная” языковая система обладает безусловной *социальной* ценностью [18, с. 27], так как обеспечивает взаимопонимание индивидов в различных ситуациях общения.

Рассмотрение категории нормативности в единстве системно-языкового, социального и функционального векторов сделало концепцию Щербы поистине новаторской. Дальнейшее развитие теории языковой нормы в советском языкознании подтвердило значимость этих акцентов. С.И. Ожегов в 1955 г. дает такое определение нормы: «это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов <...> из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной <...> оценки этих элементов» [8, с. 259–260]. В.А. Ицкович выделяет три критерия языковой нормы: соответствие модели, употребительность и необходимость [38]. Еще более отчетливо идеи Щербы проступают в характеристике К.С. Горбачевича: “Норма — это не только социально одобряемое правило, но и правило, объективированное реальной речевой практикой, правило, отражающее закономерности языковой системы и ее эволюции” [20, с. 38].

Поскольку тип словаря, объектом которого является лексическая система, обозначен Щербой как “нормативный”, закономерно возникает вопрос: как соотносятся в его понимании система и норма языка? Прямого ответа Щерба не дает, однако некоторые его суждения позволяют сделать опосредованный вывод. Так, рассуждая о “многочисленных отступлениях от нормы” в устной речевой деятельности, Щерба утверждает, что возможности для возникновения этих ошибок “заложены в данной языковой системе” [18, с. 36]. Следовательно, система языка вмещает в себя его норму. И в этой связи важно сделать оговорку: нормативный словарь в щербовской трактовке все же предназначен для функционального описания не лексической системы языка целиком, а лишь ее нормативной части — той, которая получила социальное одобрение.

Это положение отчасти приближает взгляды Щербы к известной концепции Э. Косериу, который характеризовал норму как общепринятую реализацию языковой системы: “Система охватывает *идеальные формы* реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности”, тогда как «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже сказано и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [39, с. 175]. Идеями Косериу обусловлено и определение нормы в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”: норма есть “совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации” [40, с. 337].

Свое лексикографическое воплощение этот подход нашел в проекте “Нового академического словаря” (далее — НАС), разработанном в 1990-е годы в ИЛИ РАН коллективом Г.Н. Скляревской (проект не реализован). Поставив перед собой задачу “показать лексическую систему в ее функционировании”, словарь был одновременно ориентирован и на систему языка, и на ее употребление (узус, речь) [22, с. 18]. При этом ни модель языковой системы, ни совокупность реальных употреблений не составляли объекта описания в словаре; этим объектом становятся “социально обусловленные и нормативно значимые употребления лексики”, иными словами — “нормативная реализация системы” [22, с. 19]. Таким образом, в основе концепции словаря по-прежнему лежало исходное для отечественной лексикографии учение Щербы, однако понятие нормы теперь было выведено из-под сени языковой

системы и стало играть ключевую роль в определении объекта описания. То, что у Щербы только подразумевалось, теперь было отчетливо сформулировано.

Бескомпромиссное указание на объект НАС позволило также отказаться и от компромисса между нормативным описанием современного языка и отражением исторической перспективы. По замыслу Складневской, нормативность словаря прямо увязывается с синхронностью лексической системы (это понятие характеризуется как более точное, чем “современность” [22, с. 16]). При этом под синхронностью понимается не ограничение описываемого материала коротким временным отрезком (что само по себе подразумевает микродиакроническую составляющую), а “момент динамического равновесия языковой системы, опорой которого служит норма того времени, когда словарь создается” [22, с. 17]. Именно такое понимание позволяет описывать словарный состав языка как целостный реальный объект (вспомним идеи Щербы), функционирующий в речевом употреблении. В то же время подчеркнем, что строгое понимание нормативности в проекте НАС достигается ценой полного отказа от его исторических задач.

Таким образом, базовыми атрибутами категории нормативности в толковом словаре являются: а) системность — словарный состав описывается как целостный объект, объединенный внутренними структурными связями; б) синхронность — лексическая система описывается в состоянии динамического равновесия, характерного для определенного момента времени; в) функциональность — объектом описания является не отвлеченная модель лексической системы, а лексика в реальном речевом употреблении; г) социальная обусловленность — словарный состав описывается с точки зрения его пригодности для разных сфер использования языка, разных условий коммуникации.

2.3. Нормативность толкового словаря в связи с проблемой литературного языка

Указание на функциональность и социальную обусловленность нормы требует рассмотрения категории нормативности толкового словаря в связи с проблемой литературного языка. Представляется важным дать ответы на два вопроса: 1) как соотносятся понятия “нормативный толковый словарь” и “толковый словарь литературного языка”? и 2) какие неотъемлемые атрибуты сообщает словарной категории нормативности специфика литературной нормы? Подчеркнем,

что мы не претендуем здесь на решение сложнейшей проблемы границ литературного языка и не ставим перед собой задачу учета всех исследовательских позиций по данному вопросу. Ограничимся лишь общей характеристикой, выделив те свойства нормы литературного языка, которые имеют прямое отношение к лексикографической проблематике.

Наиболее удовлетворительным для наших целей является определение М.М. Гухман, согласно которому литературный язык — это “обработанная форма существования языка”, предполагающая “отбор языковых средств из общего инвентаря <...> и связанную с этим большую или меньшую регламентацию” [41, с. 502]. Факторами отбора и регламентации обусловлено такое свойство литературной нормы, как селективность, проявляющееся в двух аспектах, внешнем и внутреннем: «норма определяет не только внешние границы литературного языка (т.е. отграничивает “правильные”, литературные реализации от “неправильных”, нелитературных), но и устанавливает разного рода градации внутри правильных нормативных реализаций» [42, с. 569].

Особая селективность литературной нормы имеет важное следствие для типологической характеристики нормативного толкового словаря. Л.В. Щерба полагал, что к нормативному типу (отражающему “языковую систему”) может быть отнесен не только словарь литературного языка, но и “словарь определенного говора, если он не дифференциальный” [18, с. 269]. Представляется, однако, что данный тезис требует уточнения с учетом позднейших достижений теории языковой нормы. Так, у ученых сегодня существует консенсус о принципиальном отличии нормы литературного языка от норм диалектов и других нелитературных образований. Это отличие как раз и определяется “усложнением селективной, дифференцирующей и оценочной стороны” литературной нормы [42, с. 566], что в свою очередь обусловлено полифункциональностью литературного языка, призванного обслуживать различные формы (устная vs письменная) и сферы коммуникации. Отсюда следует (как пишет А. Едличка с отсылкой к Б. Гавранеку), что с языковой точки зрения отличительной чертой литературной нормы является ее “упорядоченная структура и внутреннее расслоение (дифференциация)” [43, с. 66]. Именно свойство внутренней упорядоченности, на наш взгляд, коррелирует с представлением Щербы о “языковой системе”, лежащей в основе нормативного словаря, и следовательно — отвечая на первый из поставленных выше

вопросов — необходимо констатировать: *только толковый словарь литературного языка может быть поистине нормативным*. И наоборот, любой толковый словарь, стремящийся к неограниченно широкому охвату словарного состава (т.е. преследующий цели словаря-“тезауруса” в щербовском понимании (ср. [6]; [44]–[45])), типологически будет с неизбежностью мигрировать в сторону словаря-справочника, представляющего “собрание слов, <...> которое само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности” [18, с. 276].

Лингвистами Пражской школы были сформулированы такие широко известные признаки литературного языка, как: а) общенациональный характер, б) кодифицированность литературной нормы, в) ее относительное единство, г) связь с ограниченным кругом носителей и д) функционально-стилистическая дифференциация [43, с. 54]. Легко заметить, что признаки б) и д), связанные с сознательным отбором и регламентацией использования нормативных языковых средств, определяются селективностью литературной нормы и, по замечанию Г.Н. Складневской, оказываются наиболее актуальными для нормативной лексикографии [22, с. 17]. Следовательно, на второй из поставленных выше вопросов можно ответить так: нормативность толкового словаря подразумевает такие неотъемлемые свойства объекта его описания, как *функционально-стилистическое расслоение и кодифицированность*.

2.4. Нормативность и функционально-стилистическое расслоение литературного языка

Представление о лексико-семантической системе как о *стилистически дифференцированном* объекте актуализирует проблему границ литературного языка и, следовательно, ставит вопрос о величине и составе словника нормативного словаря. Критики регулярно упрекают русские толковые словари в недостаточном количестве описываемых единиц, сравнивая их со словарями некоторых европейских языков (см. хотя бы [6]; [31]). Между тем, известно, что для русской академической лексикографии характерна традиция качественного, а не количественного формирования словника [46, с. 40]. Так, Ю.С. Сорокин, обосновывая “достаточно широкий” словник нормативно-стилистического словаря, подчеркивал главное: все включаемые в него языковые факты должны быть нормативно и стилистически оценены, условия их употребления должны быть четко фиксированы [19, с. 28]. В нормативный словарь не должно войти все то, что точно находится

за рамками литературного языка: индивидуальные употребления, территориально и социально ограниченные единицы, обценная лексика, узкоспециальная терминология, — тогда как все включаемые единицы должны получить строгую нормативно-стилистическую характеристику.

Однако четких границ между литературным и нелитературным употреблением нет, периферия литературной лексики весьма обширна. В этой связи можно напомнить тезис Ф.П. Филина о литературном и нелитературном просторечии [47, с. 8] или положение А. Едлички о разговорном литературном языке, находящемся на стыке обиходно-разговорного и собственно литературного [43, с. 47]. Именно ввиду нежесткости этих границ нормативные толковые словари могут различаться по объему словника.

Рассуждая о будущем словаре современного русского языка, С.И. Красса обосновывает его существование в двух формах — большого (соответствует по назначению “среднему типу”) и малого [48, с. 318] (тем самым из ожеговской трихотомии исключается словарь “большого типа”, обремененный историческими задачами). Означает ли это, что малый словарь “более нормативен”, а большой “менее нормативен”? Разумеется, нет. Нормативность толкового словаря видится нам как абсолютная категория, определяющая *объект* словарного описания, а не *способ* его интерпретации. Поэтому отбор слов для нормативного словаря должен базироваться не на субъективных представлениях лексикографов (иногда склонных к пуризму, иногда, наоборот, к вседозволенности), а на некоторой объективной характеристике лексики.

Такой характеристикой является употребительность. На неразработанность положения об употребительности слов, представляющего большую значимость для толковой лексикографии, указывали еще во время составления БАС-1 [49, с. 180], но и сегодня у лексикографов нет четкого представления о ее критериях. Очевидно лишь то, что употребительность не сводится к частотности слова: Ф.П. Филин показывает это на примере некоторых наименований птиц и насекомых (*выпь, жужелица, иволга*), которые редко используются в речи, но без сомнения являются общеупотребительными [50, с. 45]. П.Н. Денисов в своем анализе частотных словарей приходит к заключению о необходимости “корректировки статистических выкладок методами качественного системного анализа зон словарного состава языка” [46, с. 62] (см. также [20, с. 35]). Дело, таким образом, осложняется тем, что при

определении употребительности слова помимо количественных данных необходимо учитывать его структурные особенности, реализующиеся в высказываниях (текстах) разной функционально-стилистической природы: художественных, научных, публицистических, разговорных и т.д. При этом удельный вес каждой из учитываемых “функционально-речевых сфер” не может и не должен быть одинаковым [46, с. 50], их соотношение должно определяться общей социально-языковой ситуацией в описываемый момент времени. Так, например, А. Едличка отмечал в 1978 г., что “влияние языка художественных текстов на образование и закрепление осознания нормы” постепенно ослабевает, и, напротив, “возрастает влияние и воздействие на нее специального языка <...> и языка публицистики” [43, с. 74]. Применительно к сегодняшнему дню можно, судя по всему, говорить о значимой роли языка информационных технологий и Интернета.

Точные критерии употребительности лексических единиц еще предстоит определить, но уже сейчас можно констатировать: *в нормативном толковом словаре любого объема должны быть системно представлены все функционально-речевые сферы литературного языка, взятые в их актуальном соотношении*. Различие будет состоять в том, что “малому” нормативному словарю надлежит описывать употребительное ядро лексической системы, тогда как “большой” нормативный словарь должен представить широкий охват литературной лексики, в том числе относящейся к пассивному запасу.

2.5. Нормативность толкового словаря и кодификация литературной нормы

Задачей нормативного толкового словаря является кодификация литературной нормы. Исключительная важность этой задачи обусловлена тем, что факт кодификации (наряду с принципом внутренней упорядоченности) определяет специфику литературной нормы по отношению к нормам нелитературных языковых образований [24, с. 22]; [38, с. 7–8]. Нормативный толковый словарь фиксирует различные виды норм: фонетические, морфологические, синтаксические, орфографические, — однако в центре внимания его составителей всегда находятся лексико-семантические и тесно с ними связанные лексико-стилистические нормы. При этом если в основе норм, определяющих план выражения языкового знака, лежит принятое обществом представление о *правильности* его употребления, то для норм, связанных с планом содержания, вперед выступает

представление о *допустимости* использования языкового знака (слова или его лексико-семантического варианта) в определенных условиях коммуникации. Н.Н. Семенюк связывает особый статус лексической нормы с широтой лексического инвентаря и высокой степенью его дифференциации, в связи с чем “лексическая норма должна рассматриваться как некая сложная совокупность разнообразных лексических слоев” [42, с. 562]. Этим свойством определяется и специфика кодификации лексических норм: “кодификационные процессы носят здесь преимущественно пассивный, констатирующий характер” [42, с. 579].

Такое положение дел вводит в поле внимания вопрос о возможности целенаправленного воздействия кодификатора (лексикографа) на развитие нормы. История науки знает два полярных подхода: строгий прескриптивизм, характерный для старой лексикографии и для обыденного метаязыкового сознания, и “нормализаторский агностицизм” (К.С. Горбачевич), отрицающий полномочия науки регулировать речевую практику. Сегодня большинство ученых сходится на том, что в ограниченных масштабах сознательное воздействие на литературную речь все же возможно (см. [20]; [24]; [51]–[52]), но, в то же время, не следует переоценивать активную нормализаторскую роль словаря, и прежде всего толкового словаря, описывающего слабо поддающуюся целенаправленному регулированию лексическую норму.

По словам Ф. Данеша, кодификация “имеет характер организующего, контролирующего динамическое равновесие литературного языка средства” [51, с. 282]. И в этом смысле толковый словарь не должен стремиться к созданию унифицированной *идеальной* нормы, напротив, его задачей является закрепление нормы *реальной* — той, которая обеспечивает “гибкую стабильность” (термин В. Матезиуса) литературного языка (о соотношении идеальной и реальной нормы см. [52, с. 10]). Так, усматривая нормализаторскую роль словаря в поддержании всех живых, а также “созревших новых” норм языка, Л.В. Щерба подчеркивает: “Все это происходит помимо всяких нормативных словарей; однако эти последние могут помогать естественному ходу вещей” [18, с. 278].

Кроме того, согласно положениям пражских языковедов, норма живет и развивается как самоорганизующаяся система, а словарь (и грамматика) может закрепить лишь то или иное ее состояние. Отсюда противопоставление нормы и кодификации как динамичного и статичного феноменов: кодификация “сохраняет и фиксирует

литературную норму в данный момент” [43, с. 68]. Это хорошо согласуется с принципом синхронности нормативного толкового словаря, предложенным Г.Н. Складневской.

Таким образом, констатирующая по своей сути кодификация лексической нормы в толковом словаре выполняется *ретроспективно*, “фиксирует уже сложившиеся в процессе общественной языковой практики явления” [40, с. 338]. Гарантией нормализации в данном случае является не волеизъявление лексикографа, а такое свойство самой нормы, как традиционность [42, с. 555]. Хорошо составленный нормативный словарь является значимым культурным объектом: он приобретает авторитет в обществе и становится основанием для социальной оценки высказываний. Отклонения от нормы, зафиксированной в таком словаре, в том числе лексико-семантические новообразования, интерпретируются на его фоне как нечто отличное от традиционной стандартной речи — но только до тех пор, пока не будут кодифицированы новым нормативным словарем. Эта функция делает нормативный словарь в том числе и инструментом государственной языковой политики. Роль же лексикографа состоит не в том, чтобы указать носителям языка, как правильно использовать языковые средства, а в том, чтобы отобрать эти средства из функционирующей системы языка (на основании некоторого *объективного* критерия) и дать им нормативно-стилистическую оценку.

2.6. Определение нормативности толкового словаря

Исходя из всего вышесказанного, можно дать следующее определение: **нормативность толкового словаря** — это фундаментальная лексикографическая категория, характеризующая объект словарного описания как кодифицированную речевую реализацию единой лексико-семантической системы литературного языка, взятой в определенный исторический момент ее развития и представленной с точки зрения ее социальной оценки и функционально-стилистического расслоения.

Нормативным должен быть признан любой толковый словарь, удовлетворяющий данному определению, независимо от объема его словника. Разница в количестве описываемых нормативными толковыми словарями языковых единиц обусловливается такими эмпирическими словарными параметрами, как адресат, типы источников, ширина отражения литературной лексики (наиболее употребительное ядро vs более или менее широкий охват периферии), а также ограничениями,

связанными с формой репрезентации (электронный или печатный, однотомный или многотомный словарь).

Среди всех неотъемлемых атрибутов категории нормативности толкового словаря центральным является атрибут системности, соотносящийся с таким свойством литературной нормы, как внутренняя упорядоченность, и подразумевающий два ее измерения: 1) отражение структурных лексико-грамматических связей между описываемыми единицами и 2) отражение системы функционально-стилистических разновидностей литературного языка. По признаку системности нормативный словарь противопоставлен Щербой словарю-справочнику, и, по нашему убеждению, именно это противоположение может стать основой будущей типологии толковых словарей.

3. Нормативность толкового словаря в системе лексикографических антиномий

3.1. Категория нормативности и типология толковых словарей

Предложенное понимание нормативности смещает акценты при теоретическом анализе толковых словарей и диктует особый взгляд на их типологию. Трихотомия С.И. Ожегова уже в период ее создания не вполне соответствовала реальной лексикографической практике. О недостаточном различении типов среднего и большого толкового словаря говорили уже в 1950-е годы: см. высказывания Е.А. Бокарева, В.В. Виноградова, Г.А. Качевской, Н.М. Меделец в [53]. Ф.П. Филин позже подчеркивал: “Отличия семнадцатитомного словаря от словарей четырехтомных имеют скорее количественный, чем качественный характер. Тип словаря не изменился” [49, с. 181]. Действительно, все три типа толковых словарей, по Ожегову, являются нормативными, и этот объединяющий фактор представляется более сильным, чем их различительные характеристики. Особняком стоит однотомник самого С.И. Ожегова, содержащий в первом издании (1949 г.) [11] 50 тысяч слов и в большей степени ориентированный на функцию “нормализации современной литературной речи”. Однако в позднейших переизданиях и этот словарь приблизился по объему и составу словника к более крупным словарям.

Все это говорит о том, что различия между традиционно выделяемыми тремя типами толковых словарей определяются, скорее, не фундаментальными, а эмпирическими параметрами, в том числе степенью детализации в описании семантики, стилистики, сочетаемости слов, фразеологии,

а также особенностями метаязыка. Если же характеризовать эти словари с точки зрения объекта описания, то следует объединить их в один тип — нормативного толкового словаря — и противопоставить его типу словаря-справочника.

Особенностью толкового словаря большого типа стали возложенные на него исторические задачи, что привело к его противоречивому, компромиссному характеру. Вывод, который был из этого сделан лексикографическим сообществом, состоял, по словам Ю.С. Сорокина, в “разграничении задач *толкового* нормативно-стилистического словаря современного языка и *исторических* словарей русского языка Нового времени (курсив мой. — Р.В.)” [33, с. 6]. Однако, соглашаясь с этим выводом, В.В. Виноградов все же не исключал в будущем возможности системно-динамического показа исторической перспективы в *толковом* словаре, хотя и подчеркивал: “Как это сделать без нарушения архитектурной стройности словаря, пока еще не очень ясно” [3, с. 10]. В это же время Л.С. Ковтун указывала, что и в историческом словаре, и в словаре современного языка может быть отражена “историчная” по своей сути природа лексического значения [33, с. 12]. Так, развитие отечественной лексикографии в XX в. отчетливо показало, что намеченное Л.В. Щербой противоположение исторического и неисторического типов словарей, связанное с принципом системности описания словарного состава (в динамике или статике), носит фундаментальный характер и во многом определяет типологическую принадлежность толкового словаря.

Еще одним важным противоположением, связанным, однако, с подходом к отражению словарного состава, а не с объектом словарного описания, является антиномия дескриптивного и прескриптивного типов словарей. Выше уже было показано, что все фундаментальные современные толковые словари являются дескриптивными, описательными, хотя в ряде случаев декларируется их стремление к предписанию литературной нормы. В частности, Ф.П. Филин ставил перед толковым словарем задачу “быть пособием для дальнейшего повышения культуры речи широких масс населения” [49, с. 187]. А Л.И. Скворцов, рассматривавший проблематику нормативной лексикографии с аналогичных позиций, даже противопоставлял толковый словарь как словарь языка “нормативно-стилистическому справочнику” (!) как описанию “системы литературных норм” [21, с. 40], тем самым вообще отказывая категории нормативности толкового словаря в праве на существование...

Так или иначе, нормативный толковый словарь все же не создает и не предписывает нормы. Сама специфика отражаемых в нем лексико-семантических норм ограничивает возможность их *предписания*, поскольку кодификация таких норм носит преимущественно ретроспективный, а не перспективный характер. Поэтому мы говорим о нормативных словарях как о словарях принципиально описательных, а указание на антиномию дескриптивного и прескриптивного словаря необходимо нам для того, чтобы отграничить интерпретацию нормативности как объективной категории от ее утилитарно-дидактического понимания.

Таким образом, представление о нормативности толкового словаря вводит в поле внимания три лексикографические антиномии: 1) дескриптивный словарь — прескриптивный словарь; 2) нормативный словарь — словарь-справочник; 3) исторический словарь — словарь современного языка. При этом строго прескриптивный толковый словарь сегодня вряд ли возможен (и вряд ли необходим), и, следовательно, вторая и третья антиномии релевантны только для словарей дескриптивного типа. Рассмотрим их подробнее.

3.2. Нормативный словарь vs словарь-справочник

В основе антиномии нормативного словаря и словаря-справочника лежит критерий системности, внутренней упорядоченности описываемого объекта и самого описания. Данный критерий подразумевает представление языковых единиц с учетом их системно-структурных и функционально-стилистических соотношений, что не характерно для словаря-справочника и, напротив, составляет основную специфику нормативного толкового словаря.

Не менее важно и то, что нормативный толковый словарь — это всегда словарь литературного языка, описанного с той или иной степенью детализации, но всегда комплексно и системно. В свою очередь, справочник, как правило, описывает какую-либо *произвольно выбранную* автором сферу (сферы) функционирования языка — литературного или общенационального. Так, к словарям-справочникам могут быть отнесены, с одной стороны, словари диалектной лексики, словари жаргонизмов, терминологические словари, т.е. издания, описывающие нелитературные языковые образования; с другой стороны, справочниками являются и словари, посвященные литературной лексике, относящейся к отдельным предметным областям или функционально-стилистическим разрядам (ср., например, серию изданий “Давайте

говорить правильно!”, описывающих лексику финансовой [54], медицинской [55], спортивной [56] и других сфер, “Словарь специальной лексики русского языка” под ред. А.С. Герда [57], “Толковый словарь русской разговорной речи” под ред. Л.П. Крысина [58]). Безусловно, к справочному типу должны быть отнесены и все словари, описывающие лексику, отобранную на том или ином лингвистическом основании: словари иностранных слов, словари неологизмов, словари существительных, прилагательных, глаголов и т.п.

Особое положение занимают толковые словари с подчеркнутой ориентацией на пользователя, изучающего данный язык или говорящего на нем. Это словари активного типа, к которым относятся и учебные словари. Ярким представителем этой словарной разновидности является “Активный словарь русского языка” под ред. Ю.Д. Апресяна [59], базирующийся на принципах *системности*, интегральности и удобства [60, с. 31–36]. С другой же стороны, установка на включение в словник наиболее употребительных *стилистически нейтральных* слов [60, с. 56] (аналогичная характеристика словника представлена, например, в учебном “Кратком толковом словаре русского языка (для иностранцев)” [61]) не позволяет относить эти словари к типу нормативных: исключение употребительных стилистически отмеченных единиц нарушает принцип показа словарного состава литературного языка во всей широте его функционально-стилистического расслоения.

Ограничения, накладываемые на словник активных словарей, обусловлены фактором адресата. Такая обусловленность характерна именно для словарей-справочников, основное назначение которых — ответить на конкретные запросы пользователя. Словари нормативного типа, напротив, преимущественно ориентированы на объект описания, их задача — системная кодификация литературного языка во всем его многообразии.

Своего рода “апофеозом” словаря-справочника является словарь-тезаурус в щербовском понимании: он описывает все без исключения факты национального языка, его задача — предоставить пользователю информацию о любом интересующем его слове. При этом поскольку вся совокупность описываемых в тезаурусе фактов не представляет собой реализацию единой (пусть и дифференцированной, подобно литературному языку) системы, то и сам тезаурус принципиально лишен свойства системности и внутренней упорядоченности. Более того, тип словаря-тезауруса может быть реализован на материале мертвых языков с конечным числом источников,

тогда как “для богатого живого литературного языка принцип thesaurus’a практически не может быть проведен до конца” [18, с. 287]. Поэтому вполне закономерно, что единственная в отечественной лексикографии попытка создать подлинный тезаурус русского языка, предпринятая А.А. Шахматовым [16], не привела к появлению завершенного лексикографического издания.

В отличие от тезауруса, нормативные словари имеют ограниченный словник. Объем словника может быть различным, главное условие состоит в том, что нормативный словарь должен охватить все функционально-речевые разновидности литературного языка в соотношении, характерном для того исторического момента, который принят в словаре за точку отсчета. Нормативный толковый словарь является как бы “моментальной фотографией” [19, с. 27] всего корпуса литературной лексики, при этом он может быть выполнен в разном масштабе: от полного отражения всего словарного состава до показа минимального количества наиболее употребительных слов (не ограниченных, однако, признаком стилистической нейтральности).

Возможностью масштабирования обусловлено противопоставление *полного* и *краткого* толковых словарей внутри нормативного типа. Отличие данной антиномии от названных ранее определяется ее количественным характером и, следовательно, континуальной природой: на шкале от полного нормативного толкового словаря до краткого может быть, в сущности, любое количество словарных изданий, отражающих тот или иной объем литературной лексики в зависимости от их задач и принципов формирования. Объединяющей чертой всех этих словарей будет отнесенность к нормативному типу в соответствии с приведенным в Разделе 2.6 определением.

В отечественной толковой лексикографии достаточно много изданий, тяготеющих к полному типу. Прежде всего, это так называемые словари среднего объема, к которым можно отнести МАС (90 тыс. слов) [14] и его расширенную современную версию — “Академический толковый словарь русского языка” [62]. Кроме того, сюда же относится однотомный “Большой толковый словарь русского языка” под ред. С.А. Кузнецова [63] со словником, примерно равным словнику 17-томного БАС-1 (130 тыс. слов). О том, что по объему словника нормативно-стилистический словарь *современного* русского языка не должен уступать БАС-1, полвека назад писал Ю.С. Сорокин [19, с. 28]. До 200 тыс. слов предполагалось увеличить словник “Нового академического

словаря” [22, с. 20], а проектом “Словаря русского языка XXI века” (“тяготеющего к тезаурусу”) допускается, что и эта цифра будет превышена [45, с. 141]. Тенденции к расширению поддался даже одностомный словарь С.И. Ожегова (впоследствии С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) — центральный для отечественной традиции толковый словарь краткого типа. Нишу нормативного словаря, описывающего самую употребительную лексику (35 тыс. слов), сегодня занимает “Малый толковый словарь русского языка” В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [64], а также его позднейшие переиздания.

Постоянное стремление лексикографов к расширению описываемого материала, безусловно, привлекает пользователя, обращающегося к словарю за справкой о неизвестном слове, но с другой стороны, такой подход все дальше уводит толковый словарь от принципа нормативности. Становится все труднее обосновать отнесенность включаемых в словник единиц к литературному языку и — главное — соблюсти требование системного описания словарного состава. В связи с этим задача составления нового краткого нормативного толкового словаря, содержащего наиболее употребительную лексику всех функционально-стилистических разновидностей современного русского литературного языка, кажется весьма актуальной.

3.3. Исторический словарь vs словарь современного языка

Согласно нашим представлениям, антиномия исторического словаря и словаря современного языка (в рамках толковой лексикографии) имеет подчиненный статус по отношению к антиномии нормативного словаря и словаря-справочника и, следовательно, должна быть так или иначе согласована с категорией нормативности. Дискуссионность вопроса о соотношении принципов нормативности и историзма в толковом словаре хорошо известна (подробно см. [10]). После завершения работы над БАС-1 общее одобрение получила идея о разграничении исторического и нормативного описания лексики в словарях *разных* типов. Так, Ю.С. Сорокин полагал, что “исторический словарь, представляющий движение лексики на протяжении любого исторического периода, не должен преследовать задач нормализующего характера” [33, с. 7]. Это справедливо применительно к историческим словарям как особому лексикографическому типу, назначение которого состоит в том, чтобы “характеризовать процессы лексико-семантических изменений” [Там же],

однако в отношении толковых словарей все не так однозначно.

Толковые словари современного русского языка традиционно строятся на материале, относящемся к продолжительному историческому отрезку: Я.К. Грот отнес нижнюю хронологическую границу своего словаря [65] к эпохе Ломоносова, во время работы над БАС-1 возникла формула “от Пушкина до наших дней”. Такой подход сам по себе предполагает определенную степень историзма, причем тем большую, чем сильнее мы отдаляемся от пушкинской эпохи. Как бы то ни было, современный толковый словарь не может исключить из круга источников произведения русской классической литературы, так как они являются неотъемлемой частью культурного багажа современника и в значительной мере определяют осознание нормы *современного* русского литературного языка. Даже если словарь не иллюстрирует значения слов цитатами ([11]; [45]; [63]), его составители должны в том числе ориентироваться на классические тексты при разработке словарных статей. Сорокин в связи с этим подчеркивал: “Было бы мнимоисторическим педантизмом, если бы мы при описании и подтверждении современных норм опирались только на материалы современной прессы и литературы нашего времени <...> и игнорировали тексты классической литературы” [19, с. 27].

Таким образом, широкие хронологические рамки сами по себе еще не делают толковый словарь современного языка историческим. Наоборот, если цитаты из классических источников не противоречат современной литературной норме, включение их в словарь позволяет подчеркнуть ее устойчивость. Отсюда следует, что приоритетом нормативного словаря современного языка является не соотнесение описываемого факта с той или иной эпохой, а установление его релевантности для текущего состояния литературной нормы. Французские лексикографы А. Рей и С. Делесаль справедливо утверждают, что в словаре современного литературного языка хронологическое расслоение языковых фактов подчиняется принципу их *функциональной совместимости* в рамках одной коммуникативной модели — функционирующей языковой системы [66, с. 277–278].

Как было неоднократно показано выше, нормативность толкового словаря предполагает *системное* описание словарного состава. Этому требованию соответствуют (в большей или меньшей степени) все фундаментальные толковые словари современного русского языка. Однако и принцип

историзма в лексикографии базируется на критерии системности. Л.В. Щерба писал: “Исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако, — неизвестно” [18, с. 304]. В толковых словарях с исторической перспективой ([13]; [35]; [67]) о системном воплощении историзма говорить не приходится: став непреодолимым препятствием для отражения современной литературной нормы, он был сведен на уровень “справок”. В связи с этим возникает вопрос: возможна ли в принципе реализация идеи Щербы, учитывая, что в его понимании словарное описание *системы* языка теснейшим образом связано с категорией нормативности?

Для решения этого вопроса необходимо снова обратиться к такому атрибуту категории нормативности, как *синхронность*. Синхронность нормативного толкового словаря подразумевает, что в нем описывается единый сложный объект (нормативная речевая реализация лексико-семантической системы), взятый в состоянии “динамического равновесия” [22, с. 17]; [51, с. 282], характерном для определенного исторического момента. Задачей нормативного толкового словаря, таким образом, является кодификация этой реальной нормы, т.е. создание статичного представления объекта, обладающего свойством внутренней динамики (проявляющейся в вариантности и стилистической дифференциации).

Если мыслить синхронность отвлеченно (не сводя ее к современности), то очевидно, что для каждого периода развития языка, в течение которого литературная норма, определяемая социально-историческими предпосылками, остается относительно стабильной, можно выявить такой момент динамического равновесия, который будет достаточно репрезентативно представлять состояние литературного языка на всем протяжении данного нормативного периода.

Отрезок “от Пушкина до наших дней” заключает в себе несколько сменяющих друг друга нормативных периодов, для каждого из которых характерна особая лексико-семантическая система, определяемая литературной нормой. В.В. Виноградов насчитывал три такие системы [3, с. 25], сегодня, очевидно, следует говорить о большем количестве. Описание лексико-семантических процессов, определяющих динамику нормы в рамках одного из нормативных периодов, относится к задачам исторической лексикографии, тогда как толковый словарь фиксирует определенное равновесное состояние литературной нормы данного временного отрезка. Лексикограф

должен как бы встать на точку зрения человека, жившего в тот или иной период истории литературного языка. Решение этой задачи требует, во-первых, четкой и обоснованной периодизации, а во-вторых, отбора и систематизации источников, отражающих реальную норму того или иного периода.

Единственный способ гармоничной реализации принципа историзма в нормативном толковом словаре состоит, таким образом, в том, чтобы описать в нем ряд сменяющих друг друга нормативных лексико-семантических систем, взятых на различных синхронных срезах, каждый из которых будет представлять состояние литературной нормы на протяжении того или иного нормативного периода. Перед *нормативно-историческим* толковым словарем не может быть поставлена задача отражения отдельных лексико-семантических изменений, определяющих процесс исторического *формирования* нормы; напротив, он должен показать нормы описываемых периодов как уже *сформировавшиеся* языковые и социокультурные феномены, связанные друг с другом отношениями преемственности.

Историзм в лексикографии так или иначе предполагает описание динамических изменений лексико-семантической системы. Но если единицей динамики в *собственно историческом* словаре (таком как “Словарь русского языка XVIII века” [68]) является отдельное языковое средство, вписанное в систему языка и соответствующее норме описываемого периода, то единицей динамики в *толковом нормативно-историческом* словаре должна быть сама нормативная система целиком, а главная задача такого словаря — установить динамическое соотношение между нормативными системами разных периодов. Вероятно, можно отнести эти виды описания языковой динамики как микроуровень и макроуровень.

Таким образом, сущность антиномии словаря современного языка и исторического словаря в рамках нормативной толковой лексикографии состоит в том, что первый системно отражает один синхронный план, а второй — несколько динамически связанных синхронных планов, сменяющих друг друга. На этапе традиционной бумажной лексикографии нормативно-исторический толковый словарь в таком понимании был принципиально невозможен, поскольку он подразумевает *два разнонаправленных вектора* описания системы языка: синхронный и исторический. (В.В. Виноградов высказывал схожую мысль, говоря о “системно-динамическом” и “историко-хронологическом” аспектах толкового

словаря большого типа [3, с. 10].) Создание такого словаря возможно только при условии *нелинейной* репрезентации лексикографических описаний, так как он должен быть представлен не в простой текстовой форме, а в двухмерной форме матрицы, между ячейками которой прослеживаются разные виды динамических отношений. Безусловно, подобный словарь может существовать исключительно в электронной форме, обеспечивающей ему свойства многомерности и структурной гибкости. Именно таким (пока лишь в общем теоретическом приближении) нам видится будущее академического толкового словаря “большого типа”.

Несколько слов нужно сказать также о словарях справочного типа. Поскольку, в отличие от нормативных, в них не должен соблюдаться принцип системности описания, то и антинomia историзма и современности приобретает здесь упрощенный характер. Толковый словарь-справочник современного языка описывает только актуальные языковые факты (см. словари, описанные в Разделе 3.2), а справочник с исторической перспективой включает лексику предшествующих эпох (примером может послужить шахматовский тезаурус).

3.4. Опыт словарной типологии

Рассмотренные лексикографические антиномии характеризуют толковые словари с точки зрения фундаментальных категорий, определяющих объект словарного описания. Мы специально не анализировали методологические и метаязыковые особенности словарей, так как эти, в сущности, эмпирические параметры не должны влиять на установление типологических характеристик словаря, а напротив, должны ими определяться. Исключение для антиномии дескриптивного и прескриптивного словарей, апеллирующей к способу словарного описания, а не к его объекту, сделано в целях более точного описания природы категории нормативности. И разумеется, предложенный здесь опыт типологии толковых словарей не исчерпывает всех их (более частных) характеристик.

Следует подчеркнуть, что все рассмотренные антиномии имеют давнюю традицию научного осмысления. Противоположения нормативного словаря и словаря-справочника, а также исторического словаря и словаря современного языка восходят к учению Л.В. Щербы (1940), оппозиция толковых словарей полного и краткого типа — к трихотомии С.И. Ожегова (1952), антинomia дескриптивного и прескриптивного словаря

является наследием западной (прежде всего, английской) лексикографии XIX в. В современной теории толковой лексикографии типологическим исследованиям уделяется не так много внимания. Отметим здесь упомянутые выше статьи [6]; [48], а также работу Л.Е. Кругликовой, в которой предлагается схожий набор противоположений: нормативный — ненормативный словарь, исторический — неисторический словарь, полный — неполный словарь [69, с. 969]. На наш взгляд, тем не менее, важно не только выделить эти противоположения, но и предложить их системное описание, указать, в каких отношениях они находятся друг к другу и какие возможны последствия их взаимной реализации в лексикографической практике. В настоящей статье мы предприняли попытку такого описания, схематически его результат представлен на Рис. 1.

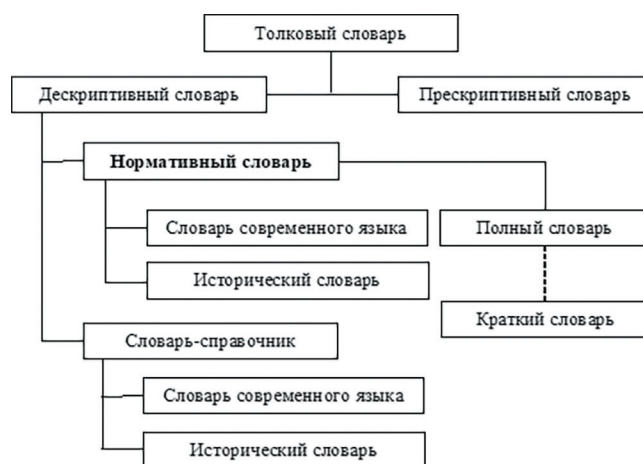

Рис. 1. Опыт типологии толковых словарей

Тип нормативного словаря занимает центральное место в толковой лексикографии, а процесс его составления сопряжен с двумя исключительно сложными проблемами. Прежде всего, это проблема *отбора* помещаемых в словарь языковых средств. Излишне строгий отбор, равно как и пренебрежение теми или иными функциональными сферами литературного языка, может привести к обеднению словаря. Напротив, чрезмерно широкий охват лексики, стремление к созданию “тезауруса” дискредитирует саму идею нормативности, не позволяя описать функционирующую лексико-семантическую систему литературного языка как единый многомерный объект. Важно помнить, что задача нормативного толкового словаря — кодификация реальной литературной нормы, поэтому в нем нет места для таких субъективных проявлений, как вседозволенность или, наоборот, лексикографический пуризм.

Вторая проблема — это *системность* словарного описания, которая реализуется в последовательном отражении системно-структурных и функционально-стилистических соотношений между единицами словника. Системность проявляется в различных аспектах, например, в единообразии описания парадигматических объединений слов, в строгости грамматической концепции словаря, в последовательном применении метаязыковых средств и — что особенно важно для нормативного словаря — в четкости стилистических квалификаций и тщательно проработанной системе словарных помет.

Объективная сложность составления нормативного толкового словаря ставит его в зависимость от качества работы лексикографов, и — поскольку существующие нормативные словари русского языка, к сожалению, изобилуют неточностями — может показаться, что и сам этот словарный тип весьма аморфен. Нам, однако же, представляется, что тип словаря должен определяться с позиций теории лексикографии, а не на практической основе, тогда как все недочеты должны быть исправлены в будущей словарной работе.

4. Заключение

Проблема типологии толковых словарей (и прежде всего нормативных — как представляющих наибольшее социокультурное значение) обретает сегодня особую актуальность в связи со стихийностью современной лексикографии. Существует множество словарей и словарных проектов (от высококачественных научных до низкопробных коммерческих), не скоординированных друг с другом и нередко друг друга дублирующих (о “лексикографическом буме” и его проявлениях см. [70, с. 8–10]).

М.Н. Приемышева отмечает, что стихийность лексикографического процесса пришла на смену его системности и упорядоченности, которые были характерны для отечественной лексикографии второй половины прошлого века [9, с. 104]. И конечно, сейчас невозможно повернуть время вспять, но по крайней мере в отношении нормативной толковой академической лексикографии все же должна быть выработана более или менее четкая программа развития.

Представляется, что предложенный нами опыт словарной типологии, основанный на анализе категории нормативности, обладает некоторой прогнозирующей силой и может способствовать выработке такой программы. Так, Рис. 1 демонстрирует четыре возможные разновидности

нормативного толкового словаря: 1) полный и 2) краткий словари современного языка и 3) полный и 4) краткий исторические словари. Сегодня мы располагаем большим количеством словарей, стремящихся к первой разновидности, нуждаемся в актуализированной версии словаря второй разновидности, а словарей нормативно-исторического типа у нас вообще нет. Большой академический словарь ни в одном из трех своих изданий не реализовал должным образом принцип историзма, но это и не было возможно в силу ограничений линейного формата репрезентации словарного описания. В то же время, составителями БАС и их предшественниками за последнее столетие накоплен огромный опыт нормативной и исторической интерпретации лексики, поэтому именно на основе БАС должен разрабатываться будущий электронный нормативно-исторический словарь русского литературного языка.

Нормативный толковый словарь современного русского языка должен быть представлен по меньшей мере в двух разновидностях — полной и краткой, обусловленных спецификой отбора слов и фактором адресата. Нормативно-исторический толковый словарь целесообразен только в полной форме, так как излишне строгий отбор языковых фактов не позволит реализовать его исторические задачи. Названные словари должны быть скоординированы друг с другом, реализация всей этой словарной модели должна опираться на единую методологию и общую (хотя и дифференцированную) эмпирическую базу.

Таким образом, завершая рассмотрение нормативных толковых словарей в типологическом аспекте, мы снова приходим к тезису С.И. Ожегова об их отнесенности к трем типам. Теперь, однако, эта трихотомия избавлена от вынужденного компромисса между “современным языком” и “исторической перспективой” и, будучи выстроенной с учетом достижений современного языкознания, покоится на более последовательном теоретическом основании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
2. *Евгеньева А.П.* О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М.: Госиздат, 1957. С. 167–177.
3. *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного

- языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
4. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
 5. Беликов В.И. Литературная норма в лексике и ее словарная кодификация // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 79–85.
 6. Васильев Н.Л. Возможен ли идеальный толковый словарь: дескриптивность vs нормативность // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 23–29.
 7. Шербин В.К. Толковый словарь среднего объема в системе русского лексикографического мейнстрима // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 129–138. DOI: 10.31857/S0373658X0002024-5
 8. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974.
 9. Приемышева М.Н. Современная типология толковых словарей русского языка и “Большой академический словарь русского языка” // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 101–115.
 10. Воронцов Р.И. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.
 11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949.
 12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1935–1940.
 13. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В.И. Чернышев и др. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
 14. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М., 1957–1961.
 15. Морковкин В.В. Основы стимулирующей типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Русский язык, 1988. С. 130–132.
 16. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук (Академии наук СССР) / Под ред. А.А. Шахматова, В.М. Истрина. Т. 2–9 (отдельные выпуски). СПб.; Пг.; Л., 1897–1930.
 17. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. Рукопись / Архив Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН.
 18. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
 19. Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.
 20. Горбачевич К.С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии // Современность и словари / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1978. С. 33–45.
 21. Скворцов Л.И. Нормативно-стилистический словарь в системе нормативной лексикографии // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Наука, 1988. С. 39–43.
 22. Склярёвская Г.Н. Новый академический словарь: объект, типологические признаки, место в системе русской лексикографии // Очередные проблемы русской академической лексикографии / Под ред. Г.Н. Склярёвской. СПб.: ИЛИ РАН, 1995. С. 15–23.
 23. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л. Языковые нормы в “Академическом толковом словаре русского языка” // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4
 24. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
 25. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН СССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.
 26. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”».
 27. Atkins B.T.S., Rundell M. The Oxford guide to practical lexicography. New York: Oxford University Press, 2008.
 28. Le Dictionnaire de l'Académie Française. Т. 1–2. Paris, 1694.
 29. Johnson S. A Dictionary of the English language. Vol. 1–2. London, 1755.
 30. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.
 31. Ступин Л.П. Нормативность и лексикография // Проблемы лексикографии: Сборник статей / Под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 20–28.
 32. Shcherba L.V. Towards a general theory of lexicography // International Journal of Lexicography. 1995. 8 (4). Pp. 314–350.
 33. Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над “Словарем современного русского литературного языка” (1948–1965 гг.) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Л.: Наука, 1966.
 34. Инструкция для составления “Словаря современного русского литературного языка” (в пятнадцати

- томах) / Под ред. С.П. Обнорского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
35. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1–6. М., 1991–1994.
 36. *Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П., Горбачевич К.С.* О новом издании “Словаря современного русского литературного языка” (в семнадцати томах) // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 3–19.
 37. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
 38. *Ицкович В.А.* Языковая норма. М.: Просвещение, 1968.
 39. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 143–346.
 40. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
 41. *Гухман М.М.* Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
 42. *Семенюк Н.Н.* Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. С. 549–596.
 43. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.
 44. *Герд А.С.* Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Под ред. О.Н. Крыловой, М.Н. Приемышевой. СПб.: ИЛИ РАН, 2015. С. 948–954.
 45. Проект “Словаря русского языка XXI века” / Под ред. Г.Н. Складерской // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. 2019. № 1. С. 136–249.
 46. *Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980.
 47. *Филин Ф.П.* О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.
 48. *Красса С.И.* К основаниям нового словаря // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 10. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012. С. 315–325.
 49. *Филин Ф.П.* О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 177–189.
 50. *Филин Ф.П.* Заметки по лексикологии и лексикографии // Лексикографический сборник. Вып. 1. М.: Госиздат, 1957. С. 36–57.
 51. *Данеш Ф.* Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 281–295.
 52. *Хакимова Е.М.* Ортологическая система современного русского языка: онтологические основания лингводеонтического: Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2015.
 53. *Земская Е.А.* О состоянии работы над четырнадцатитомным “Словарем современного русского литературного языка” // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 95–101.
 54. *Складерская Г.Н., Ваулина Е.Ю.* Давайте говорить правильно! Новые и наиболее распространенные финансовые термины в современном русском языке. СПб., 2006.
 55. *Севастьянова Н.Д., Чепурных Н.О.* Давайте говорить правильно! Актуальная медицинская лексика. СПб., 2008.
 56. *Ткачева И.О., Дурнева А.А.* Давайте говорить правильно! Спортивная лексика в современном русском языке. СПб., 2007.
 57. Словарь специальной лексики русского языка / Под ред. А.С. Герда, У. В. Буторовой. СПб., 2014.
 58. Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1–5. М., 2014–2022.
 59. Активный словарь русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Т. 1–3. М., 2014–2017 (издание продолжается).
 60. Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010.
 61. Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев) / Под ред. В.В. Розановой. М., 1978.
 62. Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л.П. Крысин. Т. 1–2. М., 2016 (издание продолжается).
 63. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
 64. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Малый толковый словарь русского языка. М., 1990.
 65. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / Под ред. Я.К. Грота. Т. 1. СПб., 1895.
 66. *Рей А., Делесаль С.* Проблемы и антиномии лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 261–300.
 67. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Т. 1–27. М.; СПб., 2004–2021 (издание продолжается).
 68. Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин и др. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019 (издание продолжается).

69. Кругликова Л.Е. Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Под ред. О.Н. Крыловой, М.Н. Приемышевой. СПб., 2015. С. 963–970.

70. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015.

REFERENCES

1. *Slovar Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1–6. St. Petersburg, 1789–1794. (In Russ.)
2. Evgenyeva, A.P. *O nekotorykh leksikograficheskikh voprosakh, svyazannykh s izdaniem bolshogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka AN SSSR* [On Some Lexicographic Issues Associated with the Publication of the Great Dictionary of the Modern Russian Literary Language in the USSR Academy of Sciences]. *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographic Collection]. Vol. 2. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, pp. 167–177. (In Russ.)
3. Vinogradov, V.V. *Semnadsatitomnyi akademicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetского yazykoznaniya* [Seventeen-Volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its Significance for Soviet Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1966, No. 6, pp. 3–26. (In Russ.)
4. Shmelev, D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of the Semantic Analysis of Vocabulary (Based on the Russian Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
5. Belikov, V.I. *Literaturnaya norma v leksike i ee slovarnaya interpretatsiya* [The Literary Norm in Vocabulary and its Lexicographic Codification]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2011, No. 4, pp. 79–85. (In Russ.)
6. Vasilyev, N.L. *Vozmozhen li ideal'nyi tolkovyi slovar: deskriptivnost vs normativnost* [Is a Perfect Dictionary Possible: Description vs Normativity]. *Izvestiâ Rossijskoj Akademii Nauk. Seriâ Literaturny i Âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017, Vol. 76, No. 3, pp. C. 23–29. (In Russ.)
7. Shcherbin, V.K. *Tolkovy slovar srednego ob'ema v sisteme russkogo leksikograficheskogo meinstrima* [The Middle Size Explanatory Dictionary of the Middle Size within Russian Lexicographical Mainstream]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2018, No. 6, pp. 129–138. DOI: 10.31857/S0373658X0002024-5 (In Russ.)
8. Ozhegov, S.I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kultura rechi* [Lexicology. Lexicography. Speech Culture]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974. (In Russ.)
9. Priemysheva, M.N. *Sovremennaya tipologiya tolkovykh slovari russkogo yazyka i "Bolshoi akademicheskii slovar russkogo yazyka"* [The Modern Typology of Russian Explanatory Dictionaries and the Great Academic Dictionary of the Russian Language]. *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya*. 2018 [Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguogeography. 2018]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2018, pp. 101–115. (In Russ.)
10. Vorontsov, R.I. *Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovary bolshogo tipa* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: Principles of Normativity and Historicism Re-examined]. *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii* [History, Theory and Practice of Academic Lexicography]. Priemysheva, M.N. (ed.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2022, pp. 95–120. (In Russ.)
11. Ozhegov, S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1949. (In Russ.)
12. *Tolkovy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ushakov, D.N. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940. (In Russ.)
13. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Chernyshev, V.I. et al. (eds.). Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965. (In Russ.)
14. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Evgenyeva, A.P. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, 1957–1961. (In Russ.)
15. Morkovkin, V.V. *Osnovy stimuliruyushchei tipologii slovari* [Fundamentals of a Stimulating Typology of Dictionaries]. *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya otechestvennoi leksikografii* [Current Condition and Trends in Development of Domestic Lexicography]. Karaulov, Yu.N. (ed.). Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988, pp. 130–132. (In Russ.)
16. *Slovar russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym odeleniem Imperatorskoi Akademii nauk (Akademii nauk SSSR)* [Dictionary of the Russian Language Prepared by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences (USSR Academy of Sciences)]. Shakhmatov, A.A., Istrin, V.M. (eds.). Vol. 2–9 (separate issues). St. Petersburg, Petrograd, Leningrad, 1897–1930. (In Russ.)
17. *Stenogramma sobraniya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR po obsuzhdeniyu proekta i I toma Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. 26 maya 1939 g. Rukopis* [Transcript of the meeting of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences on the discussion of the project and Volume I of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language. May 26, 1939. Manuscript]. Archive of the Department of Lexicography of the Modern Russian Language, ILS RAS. (In Russ.)
18. Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language System and the Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)

19. Sorokin, Yu.S. *O normativno-stilisticheskom slovare sovremennoogo russkogo yazyka* [On the Normative-Stylistic Dictionary of the Modern Russian Language]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1967, No. 5, pp. 22–32. (In Russ.)
20. Gorbachevich, K.S. *Printsipy normalizatsii yazyka v sovremennoi russkoi leksikografii* [Principles of Language Normalization in the Modern Russian Lexicography]. *Sovremennost i slovary* [Modern Life and Dictionaries]. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. (eds.). Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 33–45. (In Russ.)
21. Skvortsov, L.I. *Normativno-stilisticheskii slovar v sisteme normativnoi leksikografii* [The Normative-Stylistic Dictionary in the System of Normative Lexicography]. *Natsionalnaya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [The National Specifics of Language and its Reflection in a Normative Dictionary]. Karaulov, Yu.N. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 39–43. (In Russ.)
22. Sklyarevskaya, G.N. *Novyi akademicheskii slovar: obyekt, tipologicheskie priznaki, mesto v sisteme russkoi leksikografii* [The New Academic Dictionary: its Object, Typological Features, Position in the System of Russian Lexicography]. *Ocherednye problemy russkoi akademicheskoi leksikografii* [Immediate Problems of the Russian Academic Lexicography]. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1995, pp. 15–23. (In Russ.)
23. Tsumarev, A.E., Shestakova, L.L. *Yazykovye normy v "Akademicheskom tolkovom slovare russkogo yazyka"* [Language Norms in the Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography]. 2018, No. 13, pp. 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4 (In Russ.)
24. Krysin, L.P. *K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa* [On the Correlation of Language System, its Norm and Usage]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2017, No. 2(12), pp. 20–31. (In Russ.)
25. *Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR* [Decree of the Presidium of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik AN SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. 1937, No. 7–8, pp. 80. (In Russ.)
26. *O vnesenii izmenenii v Federalnyi zakon "O gosudarstvennom yazyke Rossiiskoi Federatsii"* [On Amendments to the Federal Law "On the Official Language of the Russian Federation"]. Federal Law No. 52-ФЗ, 28.02.2023. (In Russ.)
27. Atkins, B.T.S., Rundell, M. *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. New York, Oxford University Press Publ., 2008.
28. *Le Dictionnaire de l'Académie Française* [Dictionary of the French Academy]. Vol. 1–2. Paris, 1694. (In French)
29. Johnson, S. *A Dictionary of the English Language*. Vol. 1–2. London, 1755.
30. *Pragmatische markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar-monografiya* [Pragmatic Markers of the Russian Everyday Speech: A Monographic Dictionary]. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. (In Russ.)
31. Stupin, L.P. *Normativnost i leksikografiya* [Normativity and Lexicography]. *Problemy leksikografii* [Problems of Lexicography]. Gerd, A.S., Sergeev, V.N. (eds.). St. Petersburg, SPbGU Publ., 1997, pp. 20–28. (In Russ.)
32. Shcherba, L.V. Towards a general theory of lexicography. *International Journal of Lexicography*. 1995, No. 8(4), pp. 314–350.
33. *Tezisy dokladov na soveshchanii, posvyashchennom itogam raboty nad "Slovarem sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka" (1948–1965 gg.) i perspektivam raboty nad slovaryami sovremennoogo russkogo yazyka* [Proceedings of the Meeting Dedicated to the Accomplishment of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (1948–1965) and to the Future Development of Dictionaries of the Modern Russian Literary Language]. April 18–22, 1966. Leningrad, Nauka Publ., 1966. (In Russ.)
34. *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovara sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadsati tomakh)* [Instructions for Preparation of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (in 15 volumes)]. Obnorskiy, S.P. et al. (eds.). Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1958. (In Russ.)
35. *Slovar sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Gorbachevich, K.S. (ed.). Vol. 1–6. Moscow, 1991–1994. (In Russ.)
36. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P., Gorbachevich, K.S. *O novom izdanii "Slovara sovremennoogo russkogo literaturnogo yazyka" (v semnadsati tomakh)* [On the New Edition of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (in 17 volumes)]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1976, No. 3, pp. 3–19. (In Russ.)
37. Katsnelson, S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Language Typology and Linguistic Thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
38. Itskovich, V.A. *Yazykovaya norma* [The Language Norm]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. (In Russ.)
39. Coseriu, E. *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya. Problema yazykovogo izmeneniya* [Synchrony, Diachrony, and Evolution. The Problem of Language Change]. *Novoe v lingvistike* [New Developments in Linguistics]. Vol. III. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1963, pp. 143–346. (In Russ.)
40. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [A Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Yartseva, V.N. (ed.). Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1990. (In Russ.)
41. Gukhman, M.M. *Literaturnyi yazyk* [The Literary Language]. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Language Formations, Functions, and Evolution].

- Serebrennikov, B.A. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 502–548. (In Russ.)
42. Semenyuk, N.N. *Norma* [The Norm]. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Language Formations, Functions, and Evolution]. Serebrennikov, B.A. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 549–596. (In Russ.)
 43. Jedlička, A. *Literaturnyi yazyk v sovremennoi kommunikatsii* [The Literary Language in the Modern Communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics]. Vol. XX. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 38–134. (In Russ.)
 44. Gerd, A.S. *Bolshoi akademicheskii slovar russkogo yazyka kak slovar-tezaurus* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Thesaurus-Dictionary]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: his Life, Works, and Scientific Heritage]. Krylova, O.N., Priemysheva, M.N. (eds.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2015, pp. 948–954. (In Russ.)
 45. *Proekt "Slovara russkogo yazyka XXI veka"* [A Project of the 21st Century Russian Dictionary]. Sklyarevskaya, G.N. (ed.). *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2019, No. 1, pp. 136–249. (In Russ.)
 46. Denisov, P.N. *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya* [The Russian Vocabulary and Principles of its Description]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1980. (In Russ.)
 47. Filin, F.P. *O strukture sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [On the Structure of the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1973, No. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
 48. Krassa, S.I. *K osnovaniyam novogo slovara* [Towards the Fundamentals of the New Dictionary]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse]. Manaenko, G.N. (ed.). Vol. 10. Stavropol', SGPI Publ., 2012, pp. 315–325. (In Russ.)
 49. Filin, F.P. *O novom tolkovom slove russkogo yazyka* [On the New Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Department of Literature and Language]. 1963, Vol. XXII, No. 3, pp. 177–189. (In Russ.)
 50. Filin, F.P. *Zametki po leksikologii i leksikografii* [Notes in Lexicology and Lexicography]. *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographic Collection]. Vol. 1. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, pp. 36–57. (In Russ.)
 51. Daneš, F. *Pozitsii i otsenochnye kriterii pri kodifikatsii* [Positions and Evaluation Criteria for Codification]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics]. Vol. XX. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 281–295. (In Russ.)
 52. Khakimova, E.M. *Ortologicheskaya sistema sovremennogo russkogo yazyka: ontologicheskie osnovaniya lingvodeonticheskogo* [The Orthologic System of the Modern Russian Language: The Linguistic Foundations for the Linguodeontic]. Dis. Doct. Philol. Sci. Nizhniy Novgorod, 2015.
 53. Zenskaya, E.A. *O sostoyanii raboty nad chetyrnadtsatitomnym "Slovarem sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka"* [On the Workflow of Preparing the 14-Volume Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1956, No. 5, pp. 95–101. (In Russ.)
 54. Sklyarevskaya, G.N., Vaulina, E.Yu. *Davaite govorit' pravilno! Novye i naibolee rasprostranennyye finansovyye terminy v sovremenном russkom yazyke* [Let's Speak Correctly! New and Widespread Financial Terms in the Modern Russian Language]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
 55. Sevastyanova, N.D., Chepurnykh, N.O. *Davaite govorit' pravilno! Aktualnaya meditsinskaya leksika* [Let's Speak Correctly! The Modern Medical Vocabulary]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)
 56. Tkacheva, I.O., Durneva, A.A. *Davaite govorit' pravilno! Sportivnaya leksika v sovremenном russkom yazyke* [Let's Speak Correctly! Sport Vocabulary in the Modern Russian Language]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.)
 57. *Slovar spetsialnoi leksiki russkogo yazyka* [A Dictionary of the Russian Special Vocabulary]. Gerd, A.S., Butorova, U.V. (eds.). St. Petersburg, 2014. (In Russ.)
 58. *Tolkovyy slovar russkoi razgovornoй rechi* [Explanatory Dictionary of the Russian Everyday Speech]. Krysin, L.P. (ed.). Vol. 1–5. Moscow, 2014–2022. (In Russ.)
 59. *Aktivnyi slovar russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Apresyan, Yu.D. (ed.). Vol. 1–3. Moscow, 2014–2017 (continued edition). (In Russ.)
 60. *Prospekt Aktivnogo slovara russkogo yazyka* [A Project of the Active Dictionary of the Russian Language]. Apresyan, Yu.D. (ed.). Moscow, YaSK Publ., 2010. (In Russ.)
 61. *Kratkii tolkovyy slovar russkogo yazyka (dlya inostrantsev)* [A Brief Russian Explanatory Dictionary (for Foreigners)]. Rozanova, V.V. (ed.). Moscow, 1978. (In Russ.)
 62. *Akademicheskii tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Krysin, L.P. (ed.). Vol. 1–2. Moscow, 2016 (continued edition). (In Russ.)
 63. *Bolshoi tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Kuznetsov, S.A. (ed.). St. Petersburg, 1998. (In Russ.)
 64. Lopatin, V.V., Lopatina, L.E. *Malyi tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A Small Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1990. (In Russ.)
 65. *Slovar russkogo yazyka, sostavlenyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* [The Dictionary of the Russian Language Prepared by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Grot, Ya.K. (ed.). Vol. 1. St. Petersburg, 1895. (In Russ.)
 66. Rey, A., Delesalle, S. *Problemy i antinomii leksikografii* [Problems and Antinomies of Lexicography]. *Novoe*

- v zarubezhnoi lingvistike* [New Developments in Foreign Linguistics]. Vol. XIV. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 261–300. (In Russ.)
67. *Bolshoi akademicheskii skovar russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Gorbachevich, K.S., Gerd, A.S. Vol. 1–27. Moscow, St. Petersburg, 2004–2021 (continued edition). (In Russ.)
68. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [The Dictionary of the 18th Century Russian Language]. Sorokin, Yu.S. et al. (eds.). Vol. 1–22. Leningrad, St. Petersburg, 1984–2019 (continued edition). (In Russ.)
69. Kruglikova, L.E. *Deskriptivnyi slovar versus preskriptivnyi slovar* [Descriptive Dictionary vs Prescriptive Dictionary]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn, tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: his Life, Works, and Scientific Heritage]. Krylova, O.N., Priemysheva, M.N. (eds.). St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2015, pp. 963–970. (In Russ.)
70. Kozyrev, V.A., Chernyak, V.D. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshnii i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian Language: The Current Century and the Past Century]. 2nd ed. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 2015. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 28 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on June 28, 2023

Revised on July 17, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023